

ХРОНОЛОГИЯ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Задача разработки единой хронологической системы пражской археологической культуры лежит в основе важнейших в настоящее время проблем изучения этих древностей:

- происхождения культуры как целостности и ее модификации;
- выделения локально-хронологических групп и их взаимосвязи;
- динамики палеоэкологических и общественно-экономических структур;
- синхронизации славянских древностей с иными археологическими культурами и данными других категорий исторических источников.

Опыт хронологических изысканий на материалах как восточноевропейских раннесредневековых памятников, так и других «варварских» культур убеждает, что для наиболее эффективного достижения поставленной цели следует учесть несколько условий. Отметим следующие.

1. Раздельное рассмотрение групп древностей, по возможности максимально культурно и локально компактных, должно предшествовать созданию единой системы, которая, таким образом, выступает как взаимосвязанные синхронизированные локальные колонки.

2. Создание единого «языка» описания хотя бы для категорий материалов, используемых как индикаторы синхронизации.

3. Непротиворечивость возможных «выходов» на абсолютную датировку. До сих пор единственная достаточно обоснованная система хронологии пражской культуры как целостности предложена И.П.Русановой два десятилетия назад [1]. За прошедшее время значительно возрос объем материала (особенно это касается находок, позволяющих провести сопоставление с хронологическими колонками иных культур) и появились опыты систематического исследования хронологии отдельных памятников или территорий [2]. В целом можно утверждать, что ряд положений, лежащих в основе работы И.П.Русановой, подтвержденлся. Прежде всего, это касается выбора детально типологизированных венчиков сосудов в качестве наиболее эффективного хронологического индикатора и выделения ведущей тенденции их эволюции — постепенного усиления профилированности. Кроме того, было продемонстрировано, что в ряде случаев особенности оформления края венчиков сосудов могут служить дополнительными хронологическими признаками.

Задача построения хронологической системы пражской культуры, таким образом, сводится в настоящее время к тому, чтобы с учетом новых наблюдений по типологии керамики рассмотреть накопленный материал по единой системе. Полученные локальные хронологические шкалы должны быть сопоставлены между собой и «заявлены» на пока-

I			л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
II	Л Б В Г		п	п	п	п	п	л	п	п	п	п	п	п	п	п
III	Д Е Ж З І		п	п	п	п	п	л	п	п	п	п	п	п	п	п
IV	І І І І															

Рис. 1. Код хронологической классификации керамики пражского типа

затели абсолютной датировки. Такая работа была проделана мной в 1988—1993 гг. Ниже приводятся ее некоторые результаты [3].

Для описания керамики был использован код, включающий характеристики: типа профилированности сосудов (обозначаются латинскими цифрами); в отношении сосудов типа II учитывается характер профилировки их верхней части (эти разновидности обозначаются заглавными буквами кириллицы), в каждом типе и подтипе отмечаются особенности оформления венчика (строчные буквы кириллицы). Матрица описания представлена на рис. 1.

Анализу были подвергнуты древности, как полностью соответствующие «классическому» набору признаков пражской культуры, так и содержащие ее компоненты: памятники, в которых кроме пражских присутствуют материалы других культур, или содержащие элементы, специфичные для пражской культуры. Рассмотрение производилось по регионам (рис. 2), каждый из которых характеризуется единобразием физико-географических условий и определенным сочетанием культурных элементов.

Для каждого из регионов составлена хронологическая колонка, позволяющая оценить известные здесь древности пражской культуры. По возможности она составлялась по единому методу — через анализ сочетаний вариантов сосудов пражского типа в комплексах. На основании такой сериации комплексов был получен ряд региональных шкал, в каждой из которых выделенные периоды характеризуются определенным набором вариантов керамики [4]. Интеррегиональные узкодатируемые вещи и другие основания датировки позволили обозначить точки, опорные для оценки хронологического значения периодов в некоторых шкалах. В отдельных случаях результаты проверялись данными стратиграфии, анализом планиграфии памятников и другими методами.

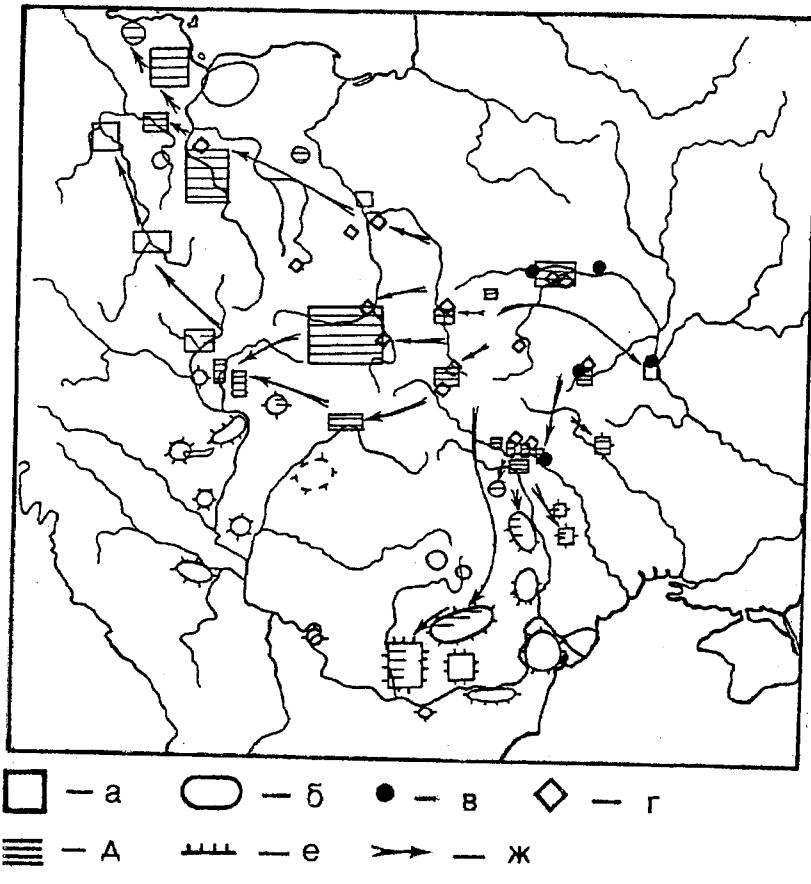

Рис. 2. Регионы пражской культуры:

а — с хронологической шкалой, полученной методом сериации вариантов керамики в комплексах; б — с хронологической шкалой, полученной иными способами; в — фазы 0; г — фазы I/0; д — фазы I; е — зоны изучавшихся древностей, содержащих компоненты пражской культуры; ж — реконструируемые направления миграций

Там, где возможностей для создания собственных шкал было недостаточно, приходилось ограничиться переведением доступного материала в форму, позволяющую провести сопоставление с результатами изучения более благоприятных выборок [5]. Уже на этом этапе работы стало очевидно, что основные закономерности и ряд особенностей эволюции керамики пражского типа на разных территориях близки. Это позволило использовать схожие изменения наборов вариантов сосудов для синхронизации локальных шкал.

Специальная работа была проделана по инвентаризации оснований синхронизации пражских памятников с древностями иных культур и оценке их возможностей для установления абсолютных дат. Это име-

ет значение как для корректировки предлагаемых в литературе абсолютных датировок, так и для проверки «типологической» синхронизации [6]. Таким образом была получена сетка синхронизированных локальных колонок, имеющая ряд выходов на абсолютные даты. Это позволяет с определенной долей точности датировать любые керамические комплексы пражского типа (а на их основе — и иные категории древностей, встреченные совместно с керамикой [7]), а также представить основные периоды развития культуры как целого. Ниже приводятся основные характеристики хронологических индикаторов и индикаторов синхронизации пражской археологической культуры по фазам ее эволюции.

Фаза 0.

Характеризуется сосудами с коротким прямым или слабо отогнутым венчиком, а также без венчика. От четверти до половины сосудов в комплексах относится к слабопрофилированным формам (подтипы А, В — здесь и далее указания на разновидности или признаки сосудов соответствуют рис. 1). Довольно заметно присутствие сосудов без венчика (тип I) — до четверти состава комплексов. Прочие профилированные сосуды имеют прямой венчик (подтип Б, очень редко — Г). В оформлении края венчика относительно велико число внутренних срезов (вариация а); много утолщенных или ровных прямых срезов, внешних за-краин (вариации в, б, з); не редкость и скругленные края (вариация г); округлые утолщения (вариация ж) — не часты. Иные способы оформления венчика являются практически уникальными, это касается и сосудов с отогнутым венчиком, таковые встречаются изредка и принадлежат лишь варианту с коротким венчиком, имеющим округлый край (вариант Дг).

Дважды керамика такого типа была встречена с фибулами (рис. 2: 47, 48). Обе они относятся к варианту 3 двучленных прогнутых подвязных фибул (группа 16-2 серия 1) по классификации А.К.Амброза и характеризуют финал развития подобных застежек в черняховской культуре [8]. Такие вещи синхронизируются с находками периода финала С3 и начала D по центральноевропейской хронологической шкале, то есть датируются около 330 (350?) — 400 гг. Неясность момента возникновения интересующих нас фибул и их встречаемость с монетами начала IV в. не позволяет настаивать на значительном удревнении нижней границы даты [9].

Опорные памятники для характеристики фазы 0 — поселение Остров в Полесье и Бернашовка (комплексы 19, 22, 20, 1, 16, 24) в Среднем Поднестровье, датированные упомянутыми фибулами (в Бернашовке, кроме того, материалы данной фазы существуют с черняховскими древностями). Тот же горизонт представлен многочисленной подборкой наиболее ранних жилищ в Корчаке и Тетеревке под Житомиром, в Оболони — жилище 10 на северной окраине Киева; по-видимому, такие материалы есть в Петрикове и Хильчицах в Полесье.

Фаза I.

Набор форм керамики, характерный для памятников пражской культуры этого времени, тот же, что и встреченный в комплексах фазы 0. Основное отличие состоит в количественном соотношении разных вариантов сосудов. В комплексах фазы I доминируют формы, относящиеся к разным вариантам подтипа Б; чаще, чем ранее, встречается подтип Д (в вариантах Дб, Дв, Дг); слабопрофилированные формы (А, В, И) составляют не более трети от общего количества венчиков. Там, где известно много представительных комплексов фазы I, появляется возможность выделения в ее рамках нескольких горизонтов, их число может достигать трех [10].

К находкам, синхронизирующим комплексы фазы I пражской культуры с иными древностями, относятся две найденные в Кодыне фибулы типов Пильвины и Вильканцы (рис. 3: 44, 45), датируемые в рамках середины — второй половины V в. [11]. Фибула из Луки-Каветчинской (рис. 3: 46) имеет U-образный приемник, характерный для застежек, связанных с культурой византийских провинций. Литые византийские фибулы, имеющие такую же профилировку ножки, датируются серединой — второй половиной VI в., но в сравнении с изделиями этой эпохи интересующая нас фибула выглядит более архаичной. Очевидно, она принадлежит к кругу вещей, отражающих германо-византийский культурный синтез, в рамках которого сформировались прототипы литых византийских застежек [12]. До появления надежно датируемых комплексов приведенные общетипологические соображения позволяют считать наиболее достоверной датой для фибулы из Луки Каветчинской первую половину VI в.

Датировка комплексов фазы I на поселении Рашков археомагнитным способом укладывается в рамки от второй половины V до начала VI в. На поселении Ботошана Сучава в жилищах 13 и 20 найдены византийские монеты 538 г. Судя по приведенным в публикации образцам, оба комплекса содержат керамику фазы I пражской культуры, но атрибуция может быть уточнена, поскольку материал опубликован лишь выборочно.

Памятники пражской культуры, относящиеся к фазе I, имеют значительно более широкий ареал, чем их предшественники (рис. 2). Там, где происходит смена культур, можно определить *terminus post quem* интересующих нас древностей. Для памятников в бассейне верхней Вислы (Нова Гута 1, комплексы 9а/51, 6/54, 6а/54, 187/57; Нова Гута 18 — 74/71; Подегродзье 9 — 26 и др.) — это первая половина V в., вероятно около 450 г. [13]. В бассейне Хафеля (Вальтерсдоф 14 — 1, 2; Берлин Хеллерсдорф 9 — 11, 383; Готц) наиболее поздние памятники предшественников славян — германцев — датируются в рамках 480—520/30 гг. или началом VI в., если следовать археологическим реалиям, не полагаясь слишком на неясные сведения письменных источников о «северных швабах». Такую же нижнюю границу следует принять и для ряда памят-

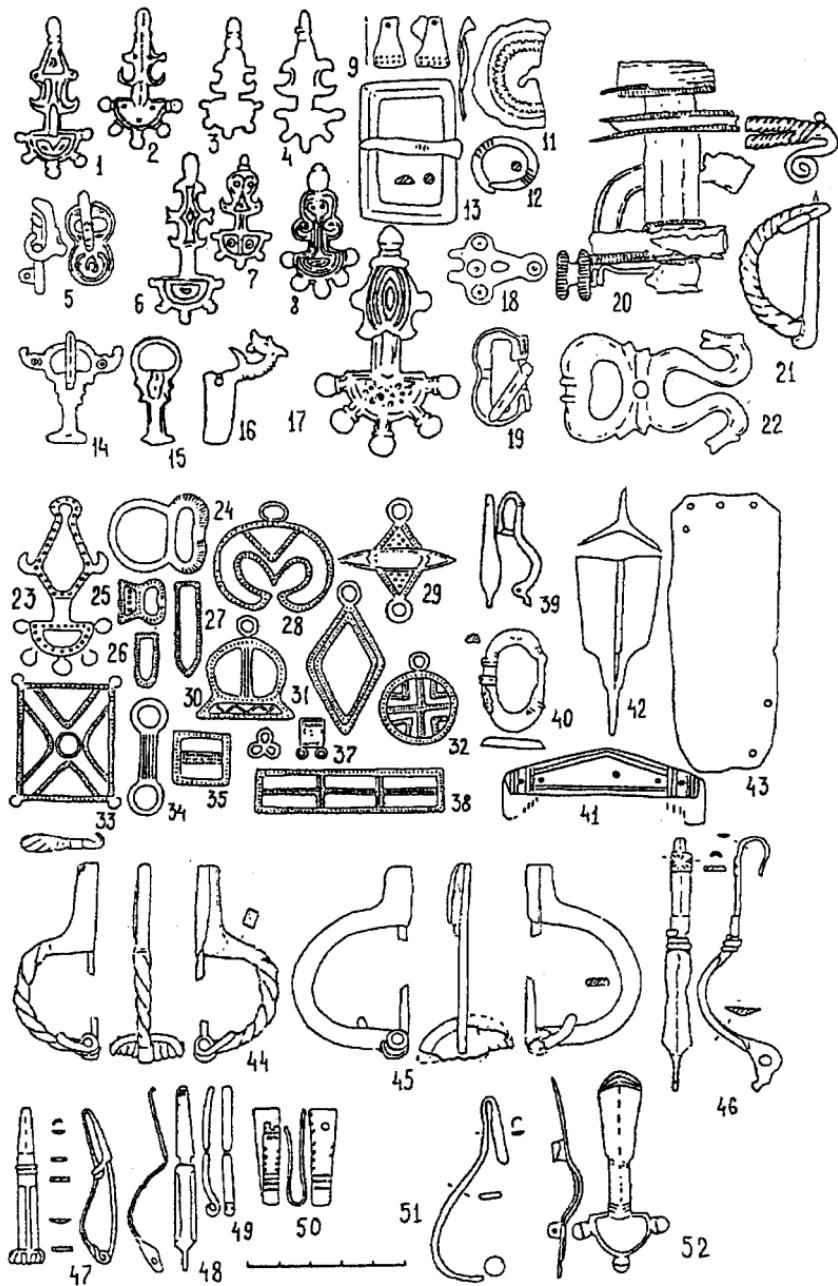

Рис. 3. Индикаторы синхронизации пражской культуры

1 — Ханска; 2, 15 — Рацков; 3 — Сучава Шипот; 4 — Горошева; 5 — Ботошана Сучава; 6 — Демьяннов; 7 — Черновка; 8 — Великая Слобода; 9—13 — Нова Гута; 14, 19 — Истра; 16 — Скибинцы; 17 — Круче луй Ферени; 18 — Додешть Васлуй; 20 — Приютце; 21 — Бенцин; 22 — Мутенице; 23—38 — Бернашовка; 39 — Бакуэнь Куртия Домнеаска; 40 — Хорск; 41 — Козлы; 42, 43 — Хотомель; 44, 45 — Кодын; 46 — Лука Каветчинская; 47—50 — Остров; 51 — Бакота; 52 — Теремцы

ников Мекленбурга (Фютшесхоф — 16, 64, 44; Хоппенвальде; Мюленгеец 1 — 1; Ребель 60 — 1, 3; Бад Шульце 3 — 1): германские комплексы, в отношении которых можно обсуждать дату «VI — начало VII в.», здесь очень редки [14]; очевидно, в VI в. аборигены не могли препятствовать проникновению в Мекленбург славянских групп. Следует отметить, что для упомянутых районов междуречья Одера и Эльбы пыльцевые анализы в ряде случаев продемонстрировали отсутствие длительного перерыва в хозяйственном использовании земель [15].

Памятники пражской культуры фазы I известны и в Карпатской котловине. Ряд компактных групп образован ими на территории Западной Словакии (Нитрянски градок — 132а; Луданице — 119, 120; Миков двор — 12, 263; Потворце; Силадице 1 — 10; Пещаны — 2/58; Победим), есть они и в верховьях Тисы (Дедово). Наиболее поздние дославянские памятники на этих землях относятся к периодам D2/D3 или D3 центральноевропейской шкалы. За исключением двух пунктов, примыкающих к моравскому массиву лангобардских памятников, и единичного погребения в Кална над Гроном дата этих древностей не выходит за рамки V века [16]. Таким образом, массив памятников пражской культуры фазы I на территории Словакии вполне может датироваться в рамках первой половины VI в.

В этой связи следует остановиться на вопросе о славянском компоненте в материальной культуре лангобардов. Серия атипичных для лангобардской керамической традиции сосудов была подобрана И.Бона, предположившим, что такие горшки следует рассматривать как специфическую форму в рамках развития германской посуды [17]. Я полагаю, что для подобного скептицизма нет достаточных оснований. О контактах лангобардов и славян есть данные и письменных источников (Прокопий, VII.35). По крайней мере, часть указанных материалов может рассматриваться как дериваты керамики пражского типа. Все известные сосуды таких форм на лангобардских памятниках соответствуют характеристикам керамики фазы I пражской культуры [18].

К фазе I пражской культуры относятся и некоторые материалы из отдельных комплексов типа Ипотешть-Кындешть-Чурел (Дульчанка 1 — 1; Ипотешть — В1, В2). Появление славян на данной территории относится по данным письменных источников к 520-м гг. (финалу царствования Юстина или началу — Юстиниана).

Все указанные опоры для абсолютной датировки фазы I пражской культуры укладываются в рамки от середины V до середины VI в. Получается как бы хиатус между фазами I и 0. В этой связи важны памятники, относящиеся к фазе I/0.

Фаза I/0.

Из описания керамического комплекса фаз I и 0 достаточно очевидно, что различие между ними довольно условное, фиксируемое лишь комплексами с представительным набором посуды. Ряд комплексов следует рассматривать как переходные между указанными фазами, многие

материалы отнесены к этой же группе условно, из-за недостатка выразительных форм.

Дважды керамика фазы I/0 была встречена с фибулами. Найдка из Теремцев (рис. 3: 52), при всем ее своеобразии, скорее всего, должна относится к фазе D2 центральноевропейской шкалы [19]. Застежку из Бакоты (рис. 3: 51) трудно датировать более узко, чем в рамках второй половины IV или V в., учитывая как ее сходство с поздними черняховскими фибулами, так и бытование таких вещей в течение всего периода D. По-видимому, окончательно они выходят из употребления, сменяясь фибулами круга Луки Каветчинской.

Ареал рассматриваемых памятников заметно шире, чем относящихся к фазе 0 (рис. 2). Они появляются в Малопольше (Злота 3 — 657, 567; Мачкувка 2 — 1/65) и в низовьях Варты (Пшев 13 — 1, 2). Возможно, к ним относятся находки в Симония колония, Минджеборув, Нипоренце. Указанные пункты образуют как бы клин между концентрациями памятников, продолжающих в начале — первой половине V в. позднеримские традиции в Силезии и верховьях Вислы на юге современной Польши или в Поморье и на Нижней Висле — на севере [20]. Материалы фазы I/0 пражской культуры известны и в верховьях Западного Буга. *Terminus post quem* для этих земель определяется довольно представительным рядом памятников с материалами периода центральноевропейского D1 (ряд пунктов Масломенчской группы, Неслухов, Рипнев и др.), финал которых, вероятно, приходится уже на период D2, если учитывать клад в Замостье, некоторые материалы из Неслухова и Рипнева [21], а также трудности дифференциации указанных периодов по массовому материалу.

В Поднестровье памятники пражской культуры фазы 0 встречены лишь однажды на левом берегу Днестра. Комплексы фазы I/0 в Среднем Поднестровье на левом берегу достаточно многочисленны, появляются они и на правом берегу (Бакота — 35, 39; Устье — 1; Великая Слобода — 47, 64; Теремцы — огн. 2, жил. 21, 22, 27). Материалы фазы I распространены в различных точках бассейна Верхнего и Среднего Днестра, а также и в верховьях Прута. Очевидно, эта картина отражает медленное, постепенное освоение славянами Восточного Прикарпатья, сопровождающееся ассимиляцией довольно значительного массива предшествующего населения.

Таким образом, комплексы, выделяемые в фазу I/0, вполне отчетливо заполняют «лакуну» в хронологических индикаторах между фазами 0 и I пражской культуры. В тоже время, неоднозначность керамического набора, «переходный» характер рассматриваемых материалов с типологической точки зрения не позволяют говорить о них как особом периоде развития культуры, что и отражено в названии фазы.

Фаза II.

Керамика пражской культуры этой фазы характеризуется увеличением удельного веса отогнутых венчиков (подтип Д составляет до по-

ловины от общего числа форм в комплексах, где статистика показательна). Оформление края этих сосудов становится более разнообразным (появляются и становятся типичными варианты Дд, Дж). Среди горшков с прямым венчиком господствует подтип Б. При общей схожести тенденции эволюции керамики можно говорить и о появлении некоторых локальных особенностей, проявляющихся в большей или меньшей характерности отдельных вариантов венчиков для некоторых территорий. В комплексах Восточного Прикарпатья и Мунтении известны соуды варианта Жг, хотя подтип Ж в целом скорее типичен для более поздних памятников.

Один из наиболее ярких комплексов этого времени — жилище ювелира на поселении Бернашовка. Детали ременных гарнитур и некоторые подвески, представленные на литеиных формочках, характерны для древностей круга Шипово (группа II степных древностей по А.К.Амброзу или ХГЗ-3 по И.П.Засецкой), чему не противоречит облик и иных изделий, аналоги которым не столь отчетливы (рис. 3: 24—38). Датировка этих древностей спорна; они, безусловно, существовали в VI в. (или на каком-то его отрезке), встречаются и в сочетании с вещами, типичными для VII в., их нижняя хронологическая граница не ясна, хотя на современном уровне изученности вопроса может быть опущена до второй половины V в. [22]. Полного соответствия фибуле (рис. 3: 23) мне не известно. Формой она напоминает застежку из 5-го горизонта склепа 10 в Лучистом (который синхронизируется с орлиноголовыми пряжками варианта 2, то есть датируется в рамках конца VI — начала VII в.) и некоторые разновидности типа Пергамон — Тай-зее, а стиль орнаментации более всего близок особому подтипу типа Марош-Гымбаш — Пергамон и некоторым другим экземплярам поствосточно германских пальчатых фибул [23]. С упомянутыми застежками VII в. сближают рассматриваемый образец размеры, характер «пальцев» и общий облик. Сказанное позволяет датировать набор форм в Бернашовке в рамках второй половины VI — первой половины VII в., скорее, ближе к рубежу этих столетий.

Еще одну опорную дату можно получить по материалам городища в Хотомеле [24]. Нижний слой этого памятника, перекрытый зольно-углистой прослойкой, содержит керамику, обычную для фаз I и II пражской культуры, а в слое пожара встречены вещи, характерные для древностей аварского круга (рис. 3: 42—43). Следовательно, керамика фазы II после 558 г. в Полесье была в ходу. Гребень в Козлах (рис. 3: 41) занимает типологически промежуточную позицию между экземплярами с высокой спинкой, обычными в комплексах IV—V вв., и более удлинненными пропорциями, распространяющимися на памятниках VI—VII вв., бытующих и позднее. Й.Земан датировал эту вещь первой половиной VI в. [25], но учитывая, что смена вариантов происходила не резко и они довольно долго сосуществовали, для комплекса в Козлах вполне вероятна и более широкая дата. Фибула из Бакуэнь Куртя Домнеаска

(рис. 3: 39) относится к стандартным, относительно поздним, разновидностям византийских литых застежек, что и определяет ее дату — около последней трети VI в. [26]. Наконец, керамика, типичная для фазы II пражской культуры, встречена в помещении VII сектора А Диногеции с монетой 552 г., перекрытом слоем пожара 558 или 572 г. и в Берое, в слое под пожаром 580 г. [27]

Распространение пражской культуры, происходившее в течение фазы II, позволяет получить *terminus post quem* для этих древностей. В Польском Поморье это 520—530-е гг.; в Чехии, Центральной и Южной Моравии — 568 г. (учитывая время массового переселения лангобардов в Панонию, нельзя исключить, что в ряде случаев его можно снизить и до 542 г.); в междуречье Эльбы и Заале — рубеж VI и VII вв. [28]. Таким образом, сумма изложенных фактов позволяет датировать материалы фазы II пражской культуры в рамках середины VI — начала VII вв.

Фаза III.

Наряду с общими закономерностями, в керамических комплексах пражской культуры, относящихся к данной группе, значительно больше, чем ранее, отражается локальная специфика. Везде сосуды с отогнутым венчиком господствуют. Распространяются новые способы оформления их края (вариации «з», «к»). Но если на северо-западе ареала культуры развитие идет за счет увеличения разнообразия модификаций подтипа Д, а формы Ж и З относительно немногочисленны, то на юго-востоке культуры различные варианты длинных отогнутых венчиков занимают в комплексах заметное место.

Известно довольно много комплексов пражской культуры фазы III, содержащих украшения. Особенно часты миниатюрные пальчатые фибулы и пряжки с коробчатой петлей (рис. 3: 1—4, 6—8, 14—16), датировка которых VII веком обоснована в специальных работах [29]. Сопоставление датировок по украшениям и на основе естественно-научных методов поздних пражских памятников и ранних культуры Луки Райковецкой показывает, что на территории нынешней Украины и Молдавии фаза III пражской культуры приходится на VII в. и сменяется эпохой Луки Райковецкой в конце этого столетия [30]. Такую картину подтверждает и пряжка из жил. 28 Ботошана Сучава (рис. 3: 5), и фибула из Кручеа луй Ференц (рис. 3: 17).

В Нижнем Подунавье и Южном Прикарпатье есть ряд памятников с компонентами поздней фазы пражской культуры, датирующихся VII в. В Истрии позднепражские сосуды, пряжка с коробчатой петлей и пряжка, типичная для геральдических наборов (рис. 3: 14, 19), наряду с византийской керамикой, найдены в слое, отложившемся после пожара 590-х гг. (597 г.?) и содержащем монеты, среди которых есть и 613 г. Обойма от пряжки того же круга, что найдена в Истрии (рис. 3: 18), встречена в жил. 1 Додешть Васлуй с керамикой, имеющей ряд соответствий в позднепражской. Материалы таких памятников, как Солдат Хиван и Сарата Монтеору, при неясности ряда деталей, похоже, не про-

тиворечат сказанному. Распространение на этой территории древностей типа Хлинча или Гарвен, близких материалам типа Луки Райковецкой, происходит не ранее последней трети VII в., пока ничто не противоречит сопоставлению их с эпохой Первого болгарского царства.

На севере Карпатской котловины материалы III фазы пражской культуры в Мутеницах найдены с пряжкой VII в. (рис. 3: 22), а появление «дунайской» керамики, знаменующей начало следующего, «градищенского», этапа славянской материальной культуры на этих землях, синхронизируется с продвижением авар на территорию нынешней Словакии и относится ко второй половине VII в. [31]. В Малопольше начало этой трансформации датируется кладом из Новой Гуты (рис. 3: 9—13), подунайские аналоги которому указывают на среднеаварскую эпоху (около 630—700 гг.) [32].

Эльбско-одерские памятники пражской культуры и ее локальных вариаций (типа Суков и т.п.) при наличии ряда особенностей имеют единую подоснову и, в целом, близкие тенденции эволюции [33]. Распространение разных форм орнаментированной керамики, изготовленной на гончарном круге, сопоставимо с возникновением многочисленных городищ и иными явлениями, знаменующими новую эпоху, что дает *terminus ante quem* начала процесса смены древностей, характерных для пражской культуры и ее дериватов. Ряд городищ в Восточной Германии имеет радиоуглеродные датировки. Учитывая статистический характер этих дат, следует обратить внимание на самые ранние показания, образующие серию (Берлин Кепеник, возникновение — 653 ± 100 ; Бранденбург, бург III, конструкция вала — 660 ± 100 ; Торнов, бург А — 675 ± 175 и т.д.). Эти значения должны корректироваться более надежной дендрохронологией, хотя и эта методика имеет свои трудности. Недавняя инвентаризация и критическая проверка свидетельствует, что надежную раннюю дату (от последней трети VII до начала VIII в.) имеют только 4 городища, прочие — более чем 40 — позднее [34]. Здесь следует учитывать, что, например, на городище Мекленбург дендродату около 680 г. имеет второй горизонт строительства валов, а орнаментированная керамика присутствует и в слоях предшествующего городища (слой А). Наиболее поздние памятники со славянской неорнаментированной керамикой датируются фибулой «bandformigen» поздневендельско-ранневикингского круга (около 650—750 гг.) в Бенцене (рис. 3: 21) и западнобалтской «арбалетовидной» подтипа 4 по В.И.Кулакову: конец VII — первая половина VIII вв. (около 700 г.?) в Прютцке (рис. 3: 20) [35].

В заключение кажутся уместными некоторые общие наблюдения над пражской культурой, сложившиеся в ходе работы над ее хронологией.

Наиболее ранние памятники пражской культуры сконцентрированы в Припятском Полесье или зонах, связанных с ним (рис. 2). Именно здесь следует, по-моему, искать истоки пражской культуры. Относительная редкость славянских памятников в Полесье — следствие слабой ис-

следованности этой территории, плохой фиксируемости пражских памятников подъемным материалом, иных факторов, затемняющих действительную картину. Левобережье Среднего Днестра, поречье Западного Буга, Средней Вислы и Варты — зоны первых миграций, в дальнейшем распространяющихся на бассейн Одера и Эльбы, в Карпатскую котловину, в Восточное Прикарпатье и на нижний Дунай.

В ходе расселения носители пражской культуры вступают в длительные взаимоотношения с различными группами автохтонного населения и ассимилируют многие из них. Особенно яркую картину дают для понимания этой стороны раннеславянской истории памятники Поднестровья и Прикарпатья, в той или иной форме это фиксируется и на других территориях. Указанные процессы, наряду с феноменами демографического характера, объясняют нарастание потенциала миграций и кажущееся противоречие между известной по письменным источникам многочисленностью славянских отрядов и относительно небольшим числом ранних памятников пражской культуры. Специфика древностей VI в. на территории Валахии, где чисто пражский компонент относительно невелик, отражает не только особенности продвижения славян к Дунаю, но и включение в состав славянских группировок какой-то части из тысяч пленных, захватывавшихся во время балканских походов. Сказанное объясняет и поразительно малое число древностей пражского типа на Балканах, где славяне широко расселяются в VII в.

Встречающиеся утверждения о том, что в VI в. известны «славянские племена» «склавинов», «антов» и т.п. исторически, как минимум, не точны. Речь в данном случае должна идти о разных народах, близость которых не может затемнять разность происхождения, этнографических черт, самоидентификации носителей, наконец, судеб этих общинностей. Пражская археологическая культура отражает материальные остатки истории и быта вполне конкретного народа «славяне», для наименования которого нет нужды использовать греческую или латинскую транскрипцию. Потомки этого народа сыграли важнейшую роль в формировании семьи славянских народов, этногенез каждого из которых — особая проблема. Сведения об антах указывают, что в VI в. на языках славянской группы говорили не только славяне (так же как на тюркских языках говорят не только представители народа «турки» и т.д.).

1. Русанова И.П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976; Она же. О ранней дате памятников пражского типа // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.138—143.
2. Тимощук Б.О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976; Parczewski M. Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen. Wien, 1993 (там ссылки и на более ранние работы этого автора); Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р.Прут. М., 1984; Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Славянские поселения I тыс.н.э. у с.Сокол на Среднем Днестре, Киев, 1984; Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с.Рашков). Киев, 1988; Szymański W. Proba werifikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczes-

- nego średniowiecza w Szeligach woj. płockie // Archeologia Polski. XXXII. 1987, S. 349—376; Jelinková D. K chronologii sidlišťních naležů s keramikou pražského typu na Moravě // Pravěk a slovanské osídlení Moravy. Brno, 1990, S. 251—281; Fusek G. Včasnoslovanské osídlenie Slovenska (kandidačská dizertačia). Nitra, 1992 — благодаря автора за предоставленную возможность ознакомиться с работой в рукописи, частично она опубликована: Slovensko vo včasnoslovanskom období. Nitra, 1994; Вергей В.С. Раннеславянское поселение Струга I на нижней Горыни // Archaeoslavica. 2. 1993, S. 76—86.
3. Некоторые части работы опубликованы, см.: Шовкопляс А.М., Гавритухин И.О. Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // КСИА. Вып. 208. М., 1993, с.52—62; Гавритухин И.О. Раннеславянские памятники в районе Зимновского городища // Archaeoslavica. 2, 1993, S. 99—112; Gavrituchin I.O. Die Funde der Prager Kultur in Gebiet der Stadt Petrikov (Weissrussland) // Archaeoslavica. 1, 1991. S. 95—103; Томашевский А.П., Гавритухин И.О. Славянское поселение Тетеревка I. Киев, 1992; Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 127—141; Он же. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakarų baltų archeologija ir istorija (Археология и история западных балтов). Klaipeda, 1989. С. 78—85; Он же. Некоторые проблемы изучения пражской культуры Польши. В печати.
 4. Русанова И.П. Славянские древности ... С. 8—10, 16—20, 196—197.
 5. Некоторые региональные шкалы и иные результаты такой работы опубликованы, см. примечание 3.
 6. Некоторые наблюдения в этой области опубликованы: Гавритухин И.О. К изучению изменений в материальной культуре Карпатской котловины в конце VI — начале VIII вв.н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990. С. 127—145; Он же. Кодынские фибулы ...; Он же. Пальчатые фибулы ...; Он же. Причерноморская серия фибул типа Левице-Токари // Боспорский сборник. Вып. 4. М., 1994. С. 31—42; Он же. Пряжки с коробчатой петлей // МАИЭТ. IV. 1996; Он же. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI—VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 115—133; Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б. и др. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманистическая наука в России: соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 219—231; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
 7. Например: Гавритухин И.О. Раннеславянские памятники ...
 8. Амбров А.К. Фибулы юга европейской части СССР. САИ. Вып. Д1-30. М., 1966. С. 60, 64—66.
 9. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев, 1988. С. 44; Шадров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данченко и проблема датировки черняховской культуры // Проблема хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 181, 183; Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenzeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 227—248.
 10. Например: Шовкопляс А.М., Гавритухин И.О. Комплексы ... С. 58—61.
 11. Гавритухин И.О. Кодынские фибулы ...; Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n.Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 33. Mainz, 1986.
 12. Гавритухин И.О. Фибулы византийского круга в Восточной Европе. Византийские литые // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (в печати); Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад
 13. Godłowski K. Ziemie polskie w okresie wędrówek ludów. Problem pierwotnych siedzib Słowian // Barbaricum. 1989. S. 26—30.
 14. Voss H. J. Untersuchungen zur Geschichte der germanischen Besiedlung zwischen Elbe/

- Saale und Oder/Neise im 3. bis 7. Jahrhundert // EAZ. 29. 1988. S. 147—159; Leube A. Germanische Völkerwanderung und ihr archäologischer Fundniederschlag // EAZ. 36. 1995. S. 31—61.
15. Herrmann J. Herausbildung und Dynamik der germanisch-slawischen Siedlungsgrenze in Mitteleuropa // Die Bayern und ihre Nachbarn. I. Wien, 1985. S. 271—273.
 16. Pieta K. Die Volkerwanderungszeit in der Slowakei // Germanen, Hunnen und Awaren. Nürnberg, 1987. S. 383—417.
 17. Bona I. Über einen archäologische Beweis des langobardischen-slawisch-awareischen Zusammenlebens // Studijne zvesti Archeologickeho ustavu Slovenskej Akademie vied. 16. Nitra, 1968.
 18. Благодарю Г.Фусека за предоставленные им рисунки и информацию о некоторых сосудах. Отмеченные им отличия этой керамики от типичной для Словакии по характеру теста и некоторым другим деталям вполне объяснимы, если рассматривать эти горшки не как импорт, а в рамках славянского компонента в составе лангобардов.
 19. Баран В.Д. Пражская культура . С. 74.
 20. Godłowski K. Ziemie ... S. 26 и далее.
 21. Godłowski K. Ziemie ...; неопубликованные раскопки В.В.Кропоткина; Dąbrowska T. Zagadkowe narzedzia z okresu wędrówek ludów // Wiadomości archeologiczne. XXXIII. 1968.
 22. Амбров А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. С. 66 и далее; Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.
 23. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. 1990. Рис. 20: 1; Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы... С. 130, 131, 134.
 24. Работа проводилась по полевым материалам, любезно предоставленным И.П.Русановой.
 25. Zeman J. Nejstarší slovenske osídlení Čech // Památky archeologické. LXVII. S. 204—206.
 26. Гавритухин И.О. Фибулы византийского круга ...
 27. Бонев Ч. Анти и славини в Добруджа през VI в. // Руско-български връзки през вековите. София, 1986.
 28. Godłowski K. Ziemie ... S. 34—37; Leube A. Germanische Völkerwanderung... S. 60—63; Brachmann H. J. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978. S. 110—113.
 29. Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы ... Он же. Пряжки ...
 30. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад...
 31. Vida T. Chronologie und Verbreitung einiger awarenzeitlicher Keramiktypen // Antaeus. 19-20, Budapest, 1991; Zabojnik J. On the problems of settlements of the Avar khaganat period in Slovakia // AR. XL. 1988.
 32. Гавритухин И.О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю (в печати).
 33. Parczewski M. Żukowice pod Głogowem w zaraniu średniowiecza. Głogów, 1989. S. 47—49; Донат П. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев, 1988. С. 50—55 — ряд наблюдений о смене «неорнаментированной» керамики «менкендорфской»; Гавритухин И.О. Некоторые проблемы ... ; см. также выше, о материалах фаз I и II на этих землях.
 34. Henning J., Heussner K.-U. Dendrochronologie, Archäologie und Frühgeschichte vom 6 bis 12 Jh. in den Gebieten zwischen Saale, Elbe und Oder // AF. 36. 1991.
 35. Gralow K.-D., Parschau J. Eine Fibel der frühen Wikingerzeit aus Benzin // AF. 29-3. 1986; Кулаков В.И. Древности пруссов VI—XIII вв. М., 1990. С. 22, 23, 40; Voss H.-U. Das Fragment einer baltischen Armbrustprossenfibel von Seetz Kr. Perleberg // AF. 36-6. 1991.

ББК 63.4
Т 78

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант 96-01-14021) и Новгородского государ-
ственного объединенного музея-заповедника

Ответственный редактор

Доктор исторических наук, профессор В.В.Седов

Редакционная коллегия

**«Трудов VI Международного конгресса
славянской археологии»**

Н.Н.Гринёв, Н.В.Лопатин, С.В.Меснякина, Е.Н.Носов,
А.М.Обломский, В.В.Седов, Т.В.Сергина, А.С.Хорошев,
А.В.Чернецов, П.П.Толочко, В.Л.Янин (председатель)

Издательство НПБО «Фонд археологии»

ISBN 5-87059-025-6

© Институт археологии РАН, 1997 г.